

вять непреодолимое пренятствіе для правильнаго пользованія и возможнѣстіи энергичнаго преслѣдованія потравы; грошевое содержаніе лѣсной стражи, заставляеть ее главнымъ своимъ занятіемъ по количеству дохода считать земледѣліе и потому откладывать большинство своего времени этому дѣлу, а не службѣ по охранѣ казенныхъ лѣсовъ; отсюда вытекаетъ прямая зависимость лѣсной стражи отъ однообщественниковъ и общность интересовъ съ послѣдними, которые въ концѣ концовъ, и дѣлаются господами положенія.

Вообще, подсѣчное хозяйство въ краѣ, богатомъ лѣсами, должно считаться наиболѣе убыточной формой земледѣлія съ обще-государственной точки зреянія, такой формой, которая для незначительного сравнительно ежегоднаго использованія земли требуетъ громадной площа-ди и губить обширный лѣсный пространства.

Нельзя сказать, чтобы зырянское населеніе усть-сысольскаго уѣзда, въ подсѣчномъ хозяйствѣ усматривало единственный исходъ изъ постоянаго положенія: сюо прибѣгаеть къ нему отчасти вслѣдствіе юридическаго стѣсненія угодій, а отчасти вслѣдствіе неудачнаго расположе-нія нѣкоторыхъ селеній въ почвенномъ отношеніи.

Когда для расширенія пашенъ требуется громадное количество пах-воза, вслѣдствіе бѣдности почвы перегноемъ, населеніе естественно не стремится къ особенному расширепю угодій постояннаго пользованія, предпочитая заниматься въ болѣе широкихъ размѣрахъ подсѣчнымъ хо-зяйствомъ. Устраненіе этихъ причинъ, я полагаю, возможно лишь только съ проведеніемъ цѣлесообразнаго земельнаго устройства среди на-селенія зырянъ.

Получивъ широкій просторъ для образованія пашенъ послѣ земле-устройства, зыряне вполне нормальныи путемъ, независимо отъ тѣхъ или другихъ правительственнои запрещеній, перешли бы и къ болѣе интенсивнымъ формамъ земледѣлія.

Колокистъ.

Изданіе изданіе

Бурлаки-онежане.

(Бытовой очеркъ).

Дабы не ввести читателей въ заблужденіе, спѣшу оговориться, что я пишу не о жителяхъ города Онеги, а объ обитателяхъ онежскаго уѣзда и притомъ, главнымъ образомъ, объ обитателяхъ тѣхъ многочисленныхъ селеній, которые разбросаны по обоимъ берегамъ р. Онеги отъ с. Клещова вверхъ до Бюрючева, на протяженіи 60-ти съ липинъ верстъ.

Это одна изъ наиболѣе населенныхъ частей онежскаго уѣзда, въ административномъ и экономическомъ отношеніи замѣтно тяготѣюща къ центральному пункту, большому и, сравнительно, бойкому посаду Турчасову.

Жители этого района, предпринимчивы и расторопны, извѣстны подъ общимъ именемъ „онежанъ“, давно зарекомендовали себя съ наилучшей стороны во всѣхъ лѣсопромышленныхъ пунктахъ Сѣвера.

Онежаны вы встрѣтите по всему необъятному Сѣверу, отъ Колы до Костромы и Пскова, отъ Архангельска до Петербурга и Кронштадта.

Не любить опежанин лежать па печи. Съ десяти—двѣнадцати лѣтъ и до глубокой старости колеситъ онъ по чужой сторонѣ, иной съ бағромъ въ рукахъ, иной съ перомъ, оставляя свое хозяйство исключительно на женскія руки.

Не очень-то сладка жизнь бурлацкая! Хватинь голоду, хватинь холоду, натерпинься всего отъ властныхъ, суровыхъ, „приказчиковъ-управляющихъ“, своихъ-же опежанъ, которые, начавши службу съ „мальчиковъ на побѣгушкахъ“ и испытавши па себѣ всѣ прелести бурлацкаго житія, усердіемъ и расторопнѣстю выдвинулись изъ среды рядовыхъ бурлаковъ, вкрадясь въ довѣріе хозяевъ—и ужъ никто не жди отъ нихъ нѣближки.

Въ приказчики или управляющіе пробиваются патуры выдающіяся, нѣдюжинныя, что видно уже изъ того, что, достигнувъ власти, вчерашиій полуграмотный бурлакъ умѣло забираеть въ свои опытныя руки пять миллионнаго предпріятія и вѣртить затѣмъ, какъ вздумаетъ, не только сотнями рабочихъ и служащихъ, по и хозяевами предпріятій.

И хозяева, понимающіе свои интересы, дорожать такими приказчиками, дѣлаютъ имъ уступки, сами ни во что не вмѣшиваются (ни одинъ, уважающій себя управляющій вмѣшательства хозяина въ дѣло не потерпитъ),—тяжелъ такой управляющій и для хозяина, и для рядового бурлака!..

...Но „терпи, бурлакъ,—будеши самъ приказчикомъ!“—И терпять, ибо какъ заносчивость и неуступчивость передъ хозяиномъ со стороны управляющаго считается признакомъ „управляющаго-дѣляги“, такъ покорность и умѣніе со всѣмъ мириться, во всемъ уступать считается наилучшимъ качествомъ бурлака—багорника.

Чтожь гонить опежанина съ родины?

Понятно: неплодородная земля, суровый, веблагопріятный для хлѣбопашства климатъ и полное отсутствіе заработковъ на мѣстѣ. Хлѣбъ своего урожая сѣѣдается всѣми еще къ Рождеству, а послѣ всѣ Ѣдятъ уже покупной. И вотъ передъ Рождествомъ почти все мужское населеніе, способное къ труду, идетъ съ поклономъ къ „дѣсятнику“.

„Дѣсятниками“ же называются мѣстные богатые мужики, которые еще предыдущей осенью заключаютъ съ владѣльцами лѣсопильныхъ заводъ, условіе, обязывающее ихъ пригнать съ открытиемъ слѣдующей павігациіи къ заводу извѣстное количество бревенъ, „выкатать“ ихъ на сушу и, кроме того, дать на зиму для завода извѣстное количество рабочихъ, чтобы этотъ лѣсъ въ теченіе зимы распилить на доски.

По заключенію этого условія, которое болышею частію бываетъ „домашнимъ“, т. о. безъ потарильнаго засвидѣтельствованія, хозяинъ завода даетъ подрядчику-дѣсятнику задатокъ, иногда до двухъ тысячъ и болѣе, смотря по тому, какое количество лѣса тотъ обязуется пригнать. Этотъ дѣсятникъ, зимой на родинѣ набираеть „артель“, т. е. записываетъ желающихъ съ вимѣніемъ па заработки и, въ свою очередь, записавшимся даетъ подъ залогъ паспортовъ задатки, размѣръ которыхъ зависитъ отъ возраста и опыта записывающагося, и при чемъ хорошо грамотные имѣютъ больше шансовъ на крупный задатокъ, чѣмъ „тѣмнѣе“, т. к. могутъ быть не чернорабочими, а „счетчиками“, „табельщиками“, „администраторами“ и т. д. Въ общемъ, задатки колеблются между 20 и 75 рублями. Въ то же время договаривается и недѣльная

плата, которая колеблется, въ зависимости отъ тѣхъ же обстоятельствъ, между 2 и 7 рублями въ недѣлю „на хозяйствѣ харчахъ“.

Артель во главѣ съ десятникомъ трогается въ путь въ Великомъ посту.

Первые 20—30 верстъ бабы везутъ своихъ мужей и сыновей на собственныхъ лошадиахъ и т. к. къ этому времени отъ задатковъ уже ничего обыкновенно не остается, то при прощаніи опѣ получаютъ отъ десятниковъ, въ счетъ будущихъ заработковъ „бурлаковъ“, рублей 5—10 на хозяйство.

Артель движется дальше въ глубь, чащевсего, дремучихъ лѣсовъ Вологодской губерніи.

Начинается заготовка бревенъ, всегда опредѣленной длины: пяртія десятиаршинныхъ, другая—двѣпадцатиаршинныхъ.

Съ открытиемъ плаваціи лѣсъ сплачиваются и гонятъ по рѣкамъ къ заводамъ.

Время это для рабочихъ самое тяжелое. Живутъ они все время на плотахъ въ шалашикахъ изъ хвои, или подъ опрокинутыми вверхъ дномъ лодками, работаютъ неперемѣнно, днемъ и ночью, по зная пикающихъ праздниковъ. Но и отдыхающая половина артели при первой тревогѣ, въ случаѣ, когда тече піемъ рѣки прорвѣтъ заводъ (связанные цѣпями бревна, которыми обносится вокругъ пѣсколько десятковъ тысячъ плывущаго по рѣкѣ лѣса), должны встать на работу и работать, пока всѣ бревна не будуть перехвачены заводомъ вновь. Сколько пужно споровки и ловкости при этой работе! Лодокъ тутъ не напасешься, да съ лодками и не такъ „сподручно“, поэтому опежаніи встаетъ па первое попавшееся бревно и, работая багромъ, перебѣжаетъ чрезъ рѣку въ добрыхъ полверсты шириной, а то и большие.

Какой-нибудь „вологодскій теленокъ“ десять бы разъ утопуль, пока бы перѣхалъ, а „трескоѣдъ-онежанинъ“ и не думаетъ объ опасности.

Вода—его родная стихія,—вотъ почему и цѣнится опежаніи на сплавѣ.

Водку пить на сплавѣ не полагается: некогда, да и условія не такія—какъ разъ пойдешь ко дну. Зато основательно выпиваешь всѣвъ день привала, т. е. когда, наконецъ, пригоняютъ лѣсъ къ опредѣленной лѣсопилкѣ. Нужно сказать, что опежаніи, если вѣшаетъ, такъ выпьетъ много, а рюмку иль двѣ такъ и пить не станетъ.

На слѣдующій день послѣ „привала“ опежаніи сѣѣшь въ заводскую контору:

Иѣть ли съ дому письма?

И почти всегда таковое получаетъ, т. к. дома уже давно ждутъ отъ „бурлака дѣпѣженокъ“.

Форма письма установилась опредѣленная съ позапамятныхъ временъ. Вотъ образецъ его.

„Любезному нашему сыну Ивану Степановичу отъ родителей вашихъ („вашихъ“ непремѣнно) Степана Петровича и Аны Григорьевны нижающее почтеніе и съ любовью низкій поклонъ, и присылаемъ вамъ наше заочное родительское благословеніе на лѣта ваши текущіе и которое можетъ существовать по гробъ вашей жизни. И отъ супруги вашей Маріи Ивановны и отъ сестрицы Лизаветы Степановны, Окулины Степановны и Парасковии Степановны и отъ брата Михаила Степановича съ любовью вскѣпъ по низкому поклону. И въ первыхъ строкахъ письма нашего увѣдомляемъ васъ, что всѣ мы живы и здоровы, того же и вамъ желаемъ. Ещѣ Федосья Михайловна, что взята за Олешу Мах-

нова изъ Кутовавки, родила въ Великомъ честу двойниковъ, да оба по-мерли, а Олеша денегъ домой не присыпаетъ второй годъ, даѣтъ батько говорить, что не пошлетъ больше пашпорта. А ты (обращеніе на „вы“ обязательно только въ поклонахъ) намъ деньженокъ пришли хоть цѣ-много, самъ знаешь, что въ хозяйство деньги нужны. Пришли безправ-мѣнно!—Ши подпись, ни числа обыкновенно не ставится.

Теперь денегъ домой присыпаютъ меныше („балуются бурлаки!“), а раньше присыпали большие. Но и послѣдній бурлакъ, забывшій домъ, бросить въ хозяйство десятку или полторы, когда нуженъ ему новый „пашпортъ“, иначе приведутъ добра молодца по этапу, что считается несмываема честью позоромъ. Порядочная лѣвушка за „этапаго“ и замужъ ни за что не пойдетъ.

На заводѣ бурлаки во время выкатки бревонъ живутъ въ общей казармѣ, работая отъ того же подрядчика, съ которымъ были на сибирѣ, осенью же производится съ вимъ окончательный расчетъ, при чёмъ, если бурлакъ не пьянствовалъ, ему всегда въ этомъ случаѣ причтется рублей 15, 20, а то и всѣ 40, смотря по едѣльной платѣ и по размѣру взятаго ранѣе задатка.

Если бурлакъ не остается „зимовать“, т. е. работать въ теченіе зимы на заводѣ, то получаемыя при расчетѣ деньги вмѣсто всегда опредѣленное назначеніе: бурлакъ долженъ па пихъ „справить себя“, т. е. купить гдѣ-нибудь па толкучкѣ черную суконную „тройку“ (брюки, жилетъ и пиджакъ), съ цѣпочкой „американского золота“ часы и галоши, которые надѣваются на обыкновенные „бродовые“ сапоги, съ той только разницей, что когда бурлакъ „при галошахъ, при часахъ“, онъ одѣвается брюки не въ сапоги, а „на выпускъ“.

Справивши себя такимъ образомъ, бурлакъ покупаетъ иѣсколько аршиль цветного ситцу, бумаги и иѣсколько яркихъ платковъ: это подарки домочадцамъ, а иногда и дальнимъ родственницамъ. Футичи чаю да съ полнуда „писанихъ“ и „кореппихъ“ пряники дополняютъ весь его багажъ. Если же при этомъ онъ принесетъ съ собой въ деревню „гармонь“ да хоть съ десятку денегъ—бурлакъ гремитъ на весь околотокъ!

Сосѣди зорко слѣдятъ за тѣмъ, большой ли тюкъ клади приноситъ съ собой бурлакъ, вслѣдствіе чего случается таки грѣхъ, что по дорогѣ домой неудачники бурлаки набиваются свои рогожанные кули пичевыми, какъ крадеными сѣцомъ.

Не успѣть еще бурлакъ съ дороги раздѣтъся, какъ со всѣй деревни сбываются къ нему ребятишки—и каждого онъ долженъ непремѣнно надѣлить пряникомъ, въ противномъ случаѣ скандалъ на всѣ окресты.

„Вотъ такъ бурлакъ!—будутъ говорить злозычныи бабы.—Бурлачилъ, бурлачилъ, а на пряники не заробилъ!“

Неудачникъ-бурлакъ—важно и для жениной и родительской чести. Вотъ почему наблюдаются еще и такія явленія: чувствуя свою несостоительность, бурлакъ норовитъ попасть въ свою деревню въ глухой полючной части.

Жена и старики такого бурлака не встрѣтятъ ласково и много, ма-го придется ему, бѣннягѣ, выслушать за ночь различнаго рода „реко-понъ“,—но чуть забрезжитъ днѣнь, какъ расторопныи женщины припи-маютъ для спасенія пострадавшей репутаціи возвратившагося экстраор-динарныи мѣры: заложивши въ санки коня, летятъ онъ во весь опоръ

верстъ за десять къ богатому крестьянину и продаютъ за полцѣны двѣ три заколины лучшаго сѣна. На вырученныя такимъ путемъ деньги покупается ситецъ, платки, иногда что-нибудь и изъ одежды для бурлака и ужъ непремѣнно хоть съ полпуда приниковъ. Когда все это сдѣлано, объявляется по деревнѣ о прибытии бурлака, а до тѣхъ поръ онъ починѣнъ отсиживать гдѣнибудь въ чуланѣ, или, какъ тамъ говорятъ, въ „клѣти“.

Дома бурлаку не житѣ, а масленица: работы почти никакой, развѣ только привезти дровъ для себя или сѣна. Каждый день вечеринки, да еще какія! Для этой цѣли въ опредѣленномъ домѣ собираются ежедневно въ теченіе зимы по вечерамъ двѣнадцати и парни изъ четырехъ или пяти сосѣднихъ деревень (деревни, большую частью, небольшія: 5—6 дворовъ) и подъ оглушительный ревъ „гармоникъ“ гуляютъ часовъ до бутра.

— Пусть отведутъ бурлаки душеньку,—говорятъ тогда строитивыя старухи: „пелолго имъ и погулять, пусть, сердечные, побалуются“.

П. Гаревскій.

Въ Печорскомъ краю.

(Щугорская волость, Устьысольского уѣзда, Вологодской губерніи).

Въ 1900 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось сдѣлать небольшую экскурсію по р. Печорѣ отъ с. Троицко-Печорскаго до с. Щугорскаго на разстояніи по р. Печорѣ 300 верстъ.

Село Щугорское, послѣдняя волость Устьысольского уѣзда, Вологодской губерніи. Разстояніе отъ г. Устьысольска до с. Щугорскаго 682 версты, а отъ г. Вологды около 1500 верстъ.

Пошли я съ двумя работниками въ маленькой лодкѣ. Погода стояла холодная, дулъ сѣверный вѣтеръ, видимо, вся природа стала постепенно оскудѣвать.

По берегамъ р. Печоры стояли лиственныя желтые деревья, отъ вѣтра они опускали свой лиственій лѣтній покровъ на землю.

Утки, гуси, лебеди собирались стаями, порой кричали падь нами въ воздухѣ, улетая въ теплые края.

Глухая мѣстность Печорскаго края, мѣстами совершенно пустынная, съ рѣдкими деревушками, обитателей и нородицѣ зырять, пазырающихъ себя старовѣрами, выглядывала мрачно въ скучности ихъ незатѣмливыхъ построекъ, не имѣющихъ ни одного гумна.

По берегамъ около деревушекъ часто вѣсили сѣти, или пекода; эти мѣстами доказывалось, что обитатели края занимаются рыбною ловлею.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, на разстояніи 500 верстъ по р. Печорѣ существовали двѣ только земскія школы въ с. Троицко-Печорскомъ и Щугорскомъ, а также былъ одинъ медицинскій фельдшерскій участокъ.

И то можно сказать, что обитатели края въ то время были фанатичны въ своихъ суетѣрныхъ убѣжденіяхъ, чуждались просвѣщенія, называли новые порядки васажденія культурной жизни: „антихристовъ нашествіемъ“.

Черезъ двое сутокъ мы достигли с. Щугорскаго.